

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-33-38

УДК 321.022(045)

Позиционирование событий Великой Отечественной войны в рамках государственной политики памяти: проблемы и перспективы

П.С. Селезнёв^а, Д.В. Александров^б^а Финансовый университет, Москва, Россия; ^б Хоккейный клуб ЦСКА, Москва, Россия^а <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7014-8516>

АННОТАЦИЯ

В рамках данного исследования решается задача выявления недостатков в действующей модели позиционирования событий Великой Отечественной войны на государственном уровне в ключе оценки перспектив ее развития. Методология данной работы сформирована за счет сочетания дескриптивного анализа и вторичной обработки данных массовых опросов ведущих социологических агентств России. Теоретический фундамент исследования выстроен за счет интеграции концепций социальной памяти Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, П. Рикера и Я. Ассмана. Авторы приходят к выводу, что действующая модель мемориального позиционирования событий Великой Отечественной войны государством выстроена без учета ряда фундаментальных закономерностей формирования социальной памяти в контексте воспроизводства и сохранения национально-государственной идентичности. Базовые символы, детерминирующие пространство мемориального нарратива, могут позиционироваться принципиально отличным образом в зависимости от контекста повествования и специфики политической конъюнктуры. Важнейшее противоречие заключается в декларации массового героизма и выдающихся достижений народа на фоне негативного позиционирования существовавшего социально-политического строя. Таким образом, все достижения и завоевания нивелируются посредством негативного контекста, в рамках которого описываются предшествующие и последующие события. На стратегическом уровне фиксируется отсутствие рефлексии в отношении ожидаемой в среднесрочной перспективе смены форматов трансляции мемориального нарратива.

Ключевые слова: политика памяти; государственная политика; Великая Отечественная война; проблемы; перспективы; позиционирование

Для цитирования: Селезнёв П.С., Александров Д.В. Позиционирование событий Великой Отечественной войны в рамках государственной политики памяти: проблемы и перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):33-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-33-38

ORIGINAL PAPER

Positioning the Events of the Great Patriotic War in the Framework of the State Policy of Memory: Problems and Prospects

P.S. Seleznev^а, D.V. Alexandrov^б^а Financial University, Moscow, Russia; ^б Hockey club CSKA Moscow, Russia^а <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7014-8516>

ABSTRACT

Within the framework of this study, the problem of identifying shortcomings in the current model of positioning the events of the Great Patriotic War at the state level is being solved in terms of assessing the prospects for its development. The methodology of this work is formed through a combination of descriptive analysis and secondary processing of data from mass surveys of leading sociological agencies in Russia. The theoretical foundation of the research is built by integrating the concepts of social memory by Durkheim, M. Halbwachs, P. Riker and J. Assmann. The authors concluded that the current model of the memorial positioning of the events of the Great Patriotic War by the state is built without considering some fundamental laws of the formation of social memory in the context of reproduction and preservation of national-state identity. The basic symbols that determine the space of the memorial narrative can be positioned fundamentally, depending on the context of the narrative and the specifics of the political situation. The most important

contradiction is manifested in the declaration of mass heroism, and outstanding achievements against the background of the negative positioning of the socio-political are levelled through the negative context within which the previous and subsequent events are described. There is a lack of reflection on the expected change in the broadcast formats of the memorial narrative in the medium term at the strategic level.

Keywords: politics of memory; state policy; Great Patriotic War; problems; prospects; positioning

For citation: Seleznev P.S., Alexandrov D.V. Positioning the events of the Great Patriotic war in the framework of the state policy of memory: Problems and prospects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):33-38. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-33-38

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день национальная история выступает в качестве одного из наиболее значимых ресурсов выстраивания и воспроизводства национально-государственной идентичности россиян. И в то же время ключевую роль в структуре мемориального нарратива, генерируемого как государством, так и прочими мнемоническими акторами, играет событийный ряд, связанный с историей Великой Отечественной войны.

Исследование ВЦИОМ, датированное июнем 2020 г., позволило установить, что, по мнению 95% респондентов, победа в Великой Отечественной войне является главным событием российской истории в XX в. Более того, почти 70% участников опроса обозначили ее как важнейшее событие в отечественной истории¹.

В ходе массового опроса, проведенного по заказу Левада-центра в ноябре-декабре 2018 г., было установлено, что именно победа в Великой Отечественной войне является для совершеннолетних россиян главным основанием для гордости за свою национально-государственную идентичность. Соответствующий вариант ответа выбрали 87% респондентов. Для сравнения, возвращение Крыма в состав РФ упомянули 45% опрошенных, а восстановление экономического потенциала России в период правления В.В. Путина — 18%².

Результаты социологического исследования, проведенного ВЦИОМ в июне 2016 г., также указывают на то, что самым значимым поводом для гордости за свою идентичность для россиян является национальная история (соответствующий ответ дали 90% респондентов). Для сравнения, высокие достижения в спорте в качестве повода

для гордости обозначили 75% опрошенных, положение России на международной арене — 72%.

Гипотезу о том, что именно высокая оценка вклада народов Советского Союза в разгром держав «оси» является в настоящее время одним из главных обоснований престижного характера российской идентичности, подтверждают и результаты опроса ВЦИОМ, проведенного в июне 2016 г. 81% участвовавших в нем респондентов придерживались мнения, что СССР внес решающий вклад в победу Объединенных Наций. 67% опрошенных декларировали точку зрения, согласно которой Советский Союз мог победить державы «оси» без помощи союзников³.

При этом в последние годы социологи фиксируют существенный рост вовлеченности россиян в мемориальные торжества, связанные с событиями Великой Отечественной войны. По данным ВЦИОМ, за период 2012–2018 гг. доля россиян, декларирующих готовность принять участие в праздновании Дня Победы, увеличилась с 37 до 55%. В 2010–2018 гг. число опрошенных, сообщавших о присутствии на Парадах Победы, выросло в 2,5 раза, с 10 до 25%. В 2014–2018 гг. доля респондентов, посетивших встречи с ветеранами, выросла с 30 до 45% от общего объема выборки. За тот же период число опрошенных, посещавших места боевой славы и музеи, посвященные истории Великой Отечественной войны, увеличилось более чем в 2 раза (с 30 до 61%)⁴.

Таким образом, данные количественных исследований российских социологов (включая результаты изысканий структур, официально признанных иностранными агентами) подтверждают особую роль событий Великой Отечественной войны в социальной памяти россиян и доминирующее положение соответствующего мемориального нарратива

¹ Великая победа — главное событие в истории нашей страны в XX веке. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10339>.

² Национальная идентичность и гордость. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>.

³ День памяти и скорби: 75 лет с начала. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=346>.

⁴ День Победы: сохраним память о подвиге! URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9082> (дата обращения: 12.02.2021).

в качестве ресурса построения национально-государственной идентичности граждан РФ.

Однако анализ практик мемориального позиционирования с точки зрения базовых объяснительных моделей политики памяти, как и данные социологических исследований, указывают на наличие ряда противоречий, выступающих источником генерации системно значимых проблем.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Обращаясь к вопросу об изъянах в действующей на государственном уровне модели позиционирования событий Великой Отечественной войны, в первую очередь необходимо отметить противоречивый характер продвигаемого мемориального нарратива, точнее — сочетания в его рамках зачастую прямо противоположных версий интерпретации прошлого.

Как было отмечено Э. Дюркгеймом, присущая социальной корпорации память о событиях, совместно пережитых ее представителями, выступает не только в качестве фактора, детерминирующего специфику восприятия носителем конкретной идентичности окружающего мира, но и в роли регулирующего его поведение инструмента. Обеспечить реализацию этой функции можно лишь при одном условии: как и в случае с ценностями, нормами морали и этики, общая память должна носить универсальный характер. Последнее предполагает необходимость «мемориального конформизма»: члены социальной корпорации должны помнить либо предавать забвению факты в ключе единой концепции [1, 2].

Данный тезис получил развитие в работах М. Хальбвакса, пришедшего к выводу о существовании мемориальных рамок и «фигур памяти». Первые представляют собой дискурсивные практики, задающие характер восприятия того или иного исторического события либо личности. Сущность вторых заключается в символических образах, обладающих связью с конкретными личностями деятелей прошлого и характеризующихся посредством наличия определенной хронологической и топографической локализации. При этом «фигура памяти» в обязательном порядке обладает ценностным наполнением, воплощая собой одобряемые либо порицаемые обществом модели поведения. В качестве конкретного примера мемориальных рамок можно привести негласный запрет на обсуждение допустимости сдачи Ленинграда немецким войскам. Наглядной иллюстрацией «фигуры памяти» может служить «дом Павлова» в Сталинграде [3].

Эта концепция получила развитие в трудах П. Рикера, акцентировавшего внимание на том, что в процессе реконструкции картины прошлого социальная память вынужденным образом упрощается. Лакунарность и фрагментарность исторических источников, как и обстоятельства их происхождения (включая личность создателей), приводят к формированию нескольких версий событий прошлого, зачастую избилующих пробелами и искажениями. Как правило, массовая аудитория отрицательно воспринимает попытки одновременной трансляции противоречащих вариантов мемориального нарратива, выбирая одну из полярных точек зрения. При этом сторонники конкретной концепции зачастую воспринимают ее как абсолютную истину: история в их глазах интерпретируется сквозь призму конкретной системы ценностей либо авторитета лидеров общественного мнения или кровного родственника — очевидца или современника описываемых событий. «Верующие» в определенную концепцию интерпретации фактов прошлого формируют сообщества единомышленников (что порождает усиливающий эффект «эхо-камеры») и вступают в публичную полемику со сторонниками противоположной точки зрения, что провоцирует возникновение мемориального конфликта и раскол в обществе. В результате ведущие мнемонические акторы вынуждены упрощать образ прошлого, оставляя дискуссии относительно реально имевших место противоречиях представителям экспертного сообщества [4].

Однако в рамках официального государственного нарратива в России история Великой Отечественной войны зачастую подается в противоречивом ключе: либо напрямую, либо в контексте истории смежных периодов.

Ярким примером в данном случае может служить позиционирование победы в войне вопреки существовавшей на тот период общественно-политической системе. Последнее чаще всего предполагает стигматизацию соответствующих управленческих, социальных и ценностных моделей на символическом уровне. Таким образом, негативное позиционирование зачастую достигает уровня, при котором антиобраз советской системы может вызвать у аудитории большее отторжение, чем транслируемая система представлений о нацистской Германии.

В результате реципиентам мемориального нарратива предлагается версия прошлого, в рамках которой граждане СССР, подавляемые одним тоталитарным режимом, вели борьбу против другой диктатуры, чтобы после победы подвергнуться новым репрессиям. Последнее предполагает не

только косвенную девальвацию значения победы над Третьим рейхом, но и разрушает структурное единство ее символов. Описываемая модель мемориального нарратива предполагает, что накануне Великой Отечественной войны советские граждане массово игнорировали политические репрессии из страха подвергнуться наказанию либо прямо или косвенно участвовали в организации политического террора. Но уже через несколько лет те же люди (опять же — в массовом порядке) начали проявлять примеры героического поведения под руководством исторических деятелей, обозначаемых ранее в качестве организаторов и бенефициаров «большого террора». Таким образом, одни и те же субъекты позиционируются при помощи принципиально отличных, прямо противоположных по содержанию архетипов.

При этом данные социологических опросов указывают на то, что большая часть целевой аудитории воспринимает официальный исторический нарратив селективно, отсеивая противоречащие друг другу факты в ключе единой концепции.

В качестве подтверждения этого тезиса можно сослаться на данные двух опросов, организованных ВЦИОМ в июне-июле 2017 г. Первое исследование показало, что 90% опрошенных осведомлены о сталинских репрессиях, причем 68% респондентов оценили их как несправедливые, а 49% заявили об отсутствии оправдания у действий организаторов данного процесса⁵. Однако всего через месяц 62% участников опроса высказались за размещение в публичном пространстве памятников, посвященных достижениям И.В. Сталина (этот вариант ответа также выбрали 77% молодых респондентов). Параллельно 65% опрошенных заявили о негативном отношении к идее установки мемориальных знаков, указывающих на неудачи или преступления советского вождя⁶.

Можно предположить, что последнее обусловлено совокупным воздействием трех факторов. Во-первых, элементы отрицательного позиционирования символики, связанной с победой в Великой Отечественной войне, неизбежно вызывают отторжение у значительной части россиян, поскольку героический эпос о событиях 1941–1945 гг. является одним из главных источников их ингруппового фаворитизма и важнейшим основанием воспроизводства национально-госу-

дарственной идентичности. Его деконструкция равнозначна утрате для большого числа граждан РФ привычной модели самоопределения. Во-вторых, исторические символы советской эпохи могут восприниматься позитивным образом и вне контекста соответствующей идеологии. В частности, образ И.В. Сталина может восприниматься в качестве «красного монарха» или «человека, прекратившего гонения на церковь». В-третьих, важно помнить и о существовании разных вариаций интерпретации сущности политических репрессий 1930-х гг. В частности, среди ряда правых публицистов пользуется популярностью гипотеза о том, что «большой террор» носил контрреволюционный характер: якобы И.В. Сталин разочаровался в марксизме и принял решение вернуться к «нормальной» модели общественно-политического устройства, что требовало уничтожения большей части руководства ВКП(б). Равным образом в широких слоях населения бытует точка зрения, что политические репрессии носили преимущественно характер антиэлитного террора, что на фоне высокого уровня социально-экономической дифференциации и выраженного запроса на справедливость в российском обществе способствует росту симпатий к советскому лидеру.

Отторжение значительной части официального мемориального нарратива (преимущественно связанной с освещением темы политических репрессий) можно одновременно расценивать и в позитивном, и в негативном ключе. С одной стороны, широкие массы населения демонстрируют приверженность позитивной символике Великой Отечественной войны, что свидетельствует о высокой степени устойчивости их национально-государственной идентичности. С другой стороны, отрицание официальных трактовок событий прошлого указывает на низкую эффективность государственной политики памяти и служит косвенным подтверждением подрыва авторитета публичных властей на поле политики памяти.

Источником проблем потенциально может стать и относительно слабый интерес государства к новым ресурсам формирования образа прошлого в рамках культурной памяти. Как было отмечено М. Хальбваксом и Я. Ассманом, внутри социальной памяти можно выделить два компонента — коллективный и культурный. Сегмент коллективной памяти охватывает события недавнего прошлого, удаленные от текущего момента на период 80–90 лет. Память сообщества о соот-

⁵ Сталинские репрессии: преступление или наказание? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116301>.

⁶ Память о Сталине: за и против. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323>.

ветствующих событиях формируется преимущественно за счет личных событий современников и очевидцев и транслируется по принципу «от одного к одному». События, относящиеся к сегменту коллективной памяти, всегда имеют для общества особое значение в силу эмпатии между кровными родственниками, выступающими в качестве акторов мемориальной коммуникации. Авторитет родственников и привязанность к ним служат дополнительной гарантией убежденности носителя памяти в достоверности представленной ему картины прошлого. Коллективную память могут дополнять другие форматы репрезентации реалий прошлого, однако ключевую роль в их оценке играют все же позиции, декларируемые родственниками-современниками. События, лежащие за границей периода 80–90 лет, относятся к культурной истории, нарратив которой создается экспертами, обладающими специальными навыками: учеными-историками, кинематографистами, писателями и т. д. Именно переход события в зону культурной памяти создает наиболее благоприятные условия для его переоценки, поскольку с этого момента точка зрения современников перестает играть определяющую роль. Одновременно формируются условия, позволяющие максимально унифицировать мемориальный нарратив, содержание которого уже не детерминируется на микросоциальном уровне историей каждой конкретной семьи [3, 5].

В настоящее время позиционирование событий Великой Отечественной войны приближается к границе мемориального перехода. Уже в среднесрочной перспективе именно акторы, работающие в сегменте культурной памяти, начнут определять характер восприятия соответствующего нарратива. При этом возникнет «окно возможностей», связанное с включением в активную социальную жизнь поколения россиян, обладающих специфической культурой медиапотребления и досуга. Можно ожидать снижения значимости таких ресурсов формирования представлений о прошлом, как российский кинематограф и телевидение, а также научная и научно-популярная литература. В то же время, вероятнее всего, вырастет значимость ресурсов социальных медиа (отдельно необходимо выделить такое направление деятельности, как обзоры на продукцию других сфер массовой культуры), видеоигр и комиксов. В пользу этого свидетельствуют результаты трансформации каналов распространения мемориального нарратива в государствах Западной Европы, Северной Амери-

ки и Восточной Азии, прежде России вступивших в период «цифровизации культуры» [6, 7].

Также можно ожидать закрепления и развития новых форм мемориального повествования в мемориальной культуре. На это указывает устойчивый рост популярности как внутри России, так и на международной арене произведений массовой культуры, построенных вокруг допущения возможности путешествий в прошлое либо перемещения исторических персонажей в пространстве и времени. В качестве наглядного примера в данном случае можно привести популярные в России литературные произведения о хронопутешественниках («попаданцах»), переместившихся из современной эпохи в период Великой Отечественной войны (О. Таругин, «Если вчера война»; В. Конюшевский, цикл «Попытка возврата»; Ю. Валин, «Выйти из боя. Контрудар из будущего»; А. Конторович, цикл «Черные бушлаты») или продукцию японской массовой культуры в жанре «исторический исекай» [8].

Упомянутые выше риски и возможности до сих пор остаются неотрефлексированными на уровне государственных стратегий, что потенциально несет в себе угрозу для внутривнутриполитической стабильности и внешней безопасности России.

ВЫВОДЫ

Существующая на сегодняшний день на государственном уровне модель мемориального позиционирования событий Великой Отечественной войны характеризуется игнорированием ряда базовых закономерностей формирования социальной памяти в контексте воспроизводства и сохранения национально-государственной идентичности. Ключевые символы, формирующие пространство мемориального нарратива, могут позиционироваться принципиально отличным образом в зависимости от контекста повествования. Ключевое противоречие заключается в декларации массового героизма и выдающихся достижений на фоне стигматизации социально-политического строя и продуцируемых им поведенческих моделей. Помимо того, смысл борьбы с агрессором и значение победы над ним размываются и нивелируются за счет негативного контекста, в рамках которого описываются предшествующие и последующие события. Помимо того, на стратегическом уровне наблюдается отсутствие рефлексии в отношении ожидающейся в среднесрочной перспективе смены форматов трансляции мемориального нарратива (как в технологическом, так и методологическом планах).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука; 1991.
2. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений. Пер. с фр. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН; 1996.
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. Новое издательство; 2007.
4. Рикер П. Память. История. Забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы; 2004.
5. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры; 2004.
6. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013;(4):106–122.
7. Федорченко С.Н., Тедиков Д.О., Теслюк К.В., Маркарян Р.А. Фактор компьютерных игр в реализации политики памяти. *Преподавание истории и обществознания в школе*. 2020;(3):39–47.
8. Фрумкин К.Г. Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти. *Историческая экспертиза*. 2016;(4):21–23.

REFERENCES

1. Durkheim E. On the division of social labor. *Sociology method*. M.; 1991. (In Russ.).
2. Durkheim E., Moss M. On some primitive forms of classification. Towards the study of collective representations. *Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii = Society. Exchange. Personality: Works on social anthropology*. M.; 1996:31–35. (In Russ.).
3. Halbwachs M. Social framework of memory. M.; 2007. (In Russ.).
4. Riker P. Memory. Story. Oblivion. M.; 2004. (In Russ.).
5. Assman J. Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. M.; 2004. (In Russ.).
6. Achkasov V.A. "The politics of memory" as a tool for building post-socialist nations. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013;(4):106–122. (In Russ.).
7. Fedorchenko S.N., Tedikov D.O., Teslyuk K.V., Markaryan R.A. The factor of computer games in the implementation of the memory policy. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole = Teaching history and social studies at school*. 2020;(3):39–47. (In Russ.).
8. Frumkin K.G. Alternative historical fiction as a form of historical memory. *Istoricheskaya ekspertiza = Historical expertise*. 2016;(4):21–23. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павел Сергеевич Селезнёв — доктор политических наук, доцент, профессор Департамента политологии, первый заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
pseleznev@fa.ru

Дмитрий Валерьевич Александров — Советник министра физической культуры и спорта Московской области, Советник президента Хоккейного клуба ЦСКА, Член Попечительского совета регби-клуба ЦСКА, Москва, Россия
Dima007@me.com

ABOUT THE AUTHORS

Pavel S. Seleznev — Dr. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, the First Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
pseleznev@fa.ru

Dmitry V. Alexandrov — Adviser to the Minister of Physical Education and Sport of the Moscow region, Counselor of the President of the Hockey Club CSKA, Member of the Board of Trustees of the CSKA Rugby Club, Moscow, Russia
Dima007@me.com

Статья поступила 25.03.2021; принята к публикации 10.04.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.03.2021; accepted for publication on 10.04.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.